

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
28 October 2022
Russian
Original: English

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 954/2019* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Ф.К.М. (представлен адвокатом Виллемом Боеленсом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Нидерланды
<i>Дата сообщения:</i>	20 июня 2019 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 115 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 18 сентября 2019 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	21 июля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	угроза применения пыток и жестокого обращения в случае высылки в Демократическую Республику Конго (запрет принудительного возвращения)
<i>Процедурные вопросы:</i>	приемлемость — неисчерпание
<i>Вопросы существа:</i>	свобода от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания
<i>Статья Конвенции:</i>	3

1.1 Заявителем является Ф.К.М., гражданин Демократической Республики Конго 1972 года рождения. Он утверждает, что в случае его высылки в Демократическую Республику Конго государство-участник нарушит его права по статье 3 Конвенции. Нидерланды сделали заявление в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конвенции, вступившей в силу 21 января 1989 года. Заявитель представлен адвокатом Виллемом Боеленсом.

* Принято Комитетом на его семьдесят четвертой сессии (12–29 июля 2022 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тодд Бакуолд, Клауд Эльер, Эрдоган Ишджан, Маэда Наоко, Илвия Пуце, Ана Раку, Абдерразак Руване, Себастьян Тузе и Бахтияр Тузмухамедов.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель родился в Касаи в Демократической Республике Конго в 1972 году. Еще в подростковом возрасте он переехал в Киншасу, где он продолжал жить со своей женой и детьми.

2.2 В 2009 году заявитель начал работать на человека по фамилии Дарувези, руководителя национальной разведывательной службы Демократической Республики Конго. Его работа включала подготовку встреч в нескольких частных домах Дарувези в Киншасе¹.

2.3 16 января 2010 года Дарувези поручил заявителю подготовить встречу. На следующий день заявитель принял в доме троих зимбабвийских солдат. Дарувези вошел в комнату, где находились солдаты, Джон Нумби и еще один человек. Дарувези грубо разговаривал с третьим мужчиной и приказал зимбабвийским солдатам отвести его в другую комнату. По прошествии некоторого времени Дарувези приказал заявителю убрать комнату, в которую отвели мужчину. Комната была залита кровью, в ней находился труп мужчины. Заявитель положил тело в мешок, погрузил его в машину Дарувези с помощью водителя Дарувези и отмыл помещение от крови. Когда заявитель поинтересовался у водителя, куда он отвез тело, водитель сообщил Дарувези, что заявитель задает вопросы. Дарувези пришел в ярость и спросил заявителя о его происхождении. Узнав, что он из Касаи, Дарувези обвинил заявителя в том, что он состоит в оппозиционной политической партии и что он пытается передать сведения о нем. Дарувези приказал солдатам отвезти заявителя в комнату, где был убит мужчина. Там заявитель был жестоко избит тремя зимбабвийскими солдатами. После того как Дарувези и один из солдат покинули помещение, заявитель остался с двумя солдатами. Продолжая подвергаться жестокому обращению, он схватил бутылку, чтобы защититься, и ударил одного из солдат, после чего ему удалось выбраться из дома через окно.

2.4 Двое солдат погнались за ним и попытались застрелить его, но безуспешно. Он нашел убежище у друга и позвонил жене, чтобы сказать ей, что Дарувези пытается избавиться от него и что ей будет очень опасно оставаться дома. Через несколько дней его брат был арестован неподалеку от дома заявителя, и заявитель понял, что пришло время покинуть страну. С помощью друга своего брата он добрался до порта Бома, сумел проникнуть на корабль и «зайцем» отплыл в Европу².

2.5 По прибытии в Нидерланды заявитель обратился к властям с просьбой о предоставлении убежища. 12 октября 2010 года Департамент иммиграции и натурализации отклонил ходатайство заявителя о предоставлении убежища на

¹ В то время заявитель не знал полного имени своего работодателя.

² В судебных материалах содержатся дополнительные серьезные обвинения в жестоком обращении и сексуальных домогательствах, которые имели место в комнате дома Дарувези и на складе, куда он был впоследствии доставлен. Однако эти подробности по неизвестным причинам не упоминаются в самой жалобе. Кроме того, обстоятельства бегства заявителя значительно отличаются от тех, которые описаны в жалобе. В судебных материалах содержится следующая информация:

В комнате солдаты проверили карманы заявителя и забрали все деньги, которые у него были при себе. Затем они велели ему раздеться. Когда заявитель отказался, они силой сняли с него одежду. Затем солдаты принудили заявителя к оральному сексу, угрожая ножом и револьвером. Затем двое солдат совершили с ним акт содомии, который причинил ему сильную боль и вызвал анальное кровотечение. Его также били по голове кулаками и револьвером, пинали ногами и избивали шнуром. Затем солдаты связали заявителю руки и ноги, засунули его в багажник автомобиля и доставили в помещение, похожее на склад, где содержались другие задержанные. На следующий день заявитель был допрошен Дарувези и еще тремя людьми. На протяжении всего допроса его пытали. Другие мужчины допрашивали и пытали заявителя в течение следующих пяти дней. Его били плетью, ногами, палкой, заставляли стоять на коленях на твердом полу в течение длительного времени и лили горячую жидкость ему на ногу. На пятый день мужчина из того же района, что и заявитель, помог ему бежать. Он считал заявителя невиновным и испытывал угрызения совести за то, что участвовал в его пытках. Он посоветовал заявителю покинуть страну.

основании результатов его беседы с сотрудниками Департамента 31 мая 2010 года. Департамент иммиграции и натурализации счел, что названные заявителем причины выезда из Демократической Республики Конго не заслуживают доверия, что он не предоставил достаточно подробностей о встречах, которые он помогал организовывать, и что его утверждение, что он не знал, что Дарувези — это Жан-Пьер Дарувези Мокомбе, выглядит странно. Более того, его рассказ о том, как ему удалось сбежать от своих охранников, звучит неубедительно, а арест брата заявителя подтвердить информацией из объективного источника невозможно.

2.6 Заявитель подал апелляцию в Региональный суд Арнема. 29 июля 2011 года региональный суд подтвердил решение Департамента иммиграции и натурализации, включая постановление о высылке. После получения решения регионального суда заявитель обратился к медицинским специалистам, чтобы те помогли проверить состояние его физического и психического здоровья после перенесенных пыток. Врачи подтвердили у заявителя цирроз печени, посттравматическое стрессовое расстройство, тяжелую депрессию и заболевание сердца, требующее хирургического вмешательства. Заявитель был добровольно помещен в психиатрическую больницу 10 мая 2012 года и повторно в период с января по апрель 2014 года. В течение всего этого периода заявитель подавал заявления в Департамент иммиграции и натурализации с просьбой приостановить его высылку в Демократическую Республику Конго по медицинским показаниям. Заявитель обжаловал решения Департамента иммиграции и натурализации и отказ отсрочить его высылку в Региональном суде Утрехта, который 10 июня 2015 года постановил, что Департамент иммиграции и натурализации отказался отсрочить высылку правомерно.

2.7 1 марта 2017 года заявитель подал второе ходатайство о предоставлении убежища, включая медицинское и психологическое заключение, подготовленное Институтом прав человека и медицинской экспертизы 2016 года, и информационную справку от независимого эксперта по конголезским делам. Департамент иммиграции и натурализации отклонил второе заявление 31 октября 2017 года как явно необоснованное. Департамент иммиграции и натурализации заявил, что заключение Института прав человека и медицинской экспертизы и информационная справка недостаточно конкретны, чтобы обосновать его новый иск и отменить решение от 12 октября 2010 года.

2.8 11 января 2018 года заявитель обжаловал решение Департамента иммиграции и натурализации в Региональном суде Утрехта. Суд постановил, что заявитель не смог обосновать суть мотивов своего бегства иными средствами, кроме как заключением Института прав человека и медицинской экспертизы и справкой независимого эксперта. Кроме того, суд постановил, что ни справка, ни медицинское заключение не доказывают, что заявитель не мог дать полные и точные показания 31 мая 2010 года из-за каких-либо медицинских или психологических препятствий.

2.9 Заявитель подал апелляцию в Отдел административной юрисдикции Государственного совета. В то же время он также просил приостановить его высылку из Нидерландов на время разбирательства. Просьба об отсрочки высылки была удовлетворена 6 февраля 2018 года. 2 октября 2018 года Государственный совет отклонил апелляцию по упрощенной процедуре, также прекратив действие отсрочки его высылки.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что в случае его высылки в Демократическую Республику Конго государство-участник нарушит его права по статье 3 Конвенции.

3.2 Он утверждает, что существует серьезный риск того, что в случае возвращения в Демократическую Республику Конго он подвергнется пыткам или преследованиям со стороны государственных властей, поскольку ранее он уже подвергался пыткам и может представлять опасность для тех, кто совершил эти деяния. Он утверждает, что во время содержания под стражей и допросов его преднамеренно подвергали жестокому и бесчеловечному обращению, включая изнасилование, избивания, нанесение порезов, порку, пытки огнем и угрозы смерти.

3.3 Заявитель подвергался различным формам обращения, направленным на причинение сильной боли и страданий, как физических, так и психических, с тем чтобы наказать его и/или получить от него информацию и/или признание, со стороны субъектов, действовавших по подстрекательству или, по крайней мере, с позволения властей Демократической Республики Конго, в частности национальной разведывательной службы страны и ее (теперь уже бывшего) руководителя Жан-Пьера Дарувези Мокомбе. Он также утверждает, что до сих пор страдает серьезным психическим расстройством. Он так и не смог забыть те травмирующие события, из-за которых ему пришлось оставить семью и родную страну.

3.4 Заявитель утверждает, что он исчерпал все внутренние средства правовой защиты и что этот же вопрос не рассматривается в рамках с другой процедурой международного расследования или урегулирования.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 18 марта 2020 года государство-участник представило замечания по приемлемости и существу дела, напомнив о фактах, результатах рассмотрения ходатайств заявителя о предоставлении убежища, применимом праве и имеющихся средствах правовой защиты.

4.2 Государство-участник заявило, что на момент принятия решения 12 октября 2010 года ходатайство о предоставлении убежища было рассмотрено на основании действовавшего на тот момент странового доклада по Демократической Республике Конго, датированного январем 2010 года. Оно утверждает, что ни одна из описанных категорий уязвимых лиц не применима к заявителю.

4.3 Кроме того, приводятся ссылки на соответствующие решения Комитета, принятые им ранее. Комитет, например, отмечал, что, если заявитель предоставляет государству-участнику достаточные материалы, подтверждающие его утверждения о том, что он подвергался пыткам, включая медицинское заключение, у государства-участника может появиться обязанность провести специализированную медицинскую экспертизу, прежде чем отказать в просьбе о предоставлении убежища³. Комитет заявлял, что от жертв пыток никогда нельзя ожидать безупречной точности⁴. Он также пришел к выводу, что если заявитель представил документы, указывающие на то, что он страдал от посттравматического стрессового расстройства и депрессии, это может объяснить некоторые противоречия и недостатки в его показаниях органам, рассматривавшим его ходатайство о предоставлении убежища, но это не дает удовлетворительного объяснения пробелов и несоответствий, которые касаются основных элементов этих показаний⁵.

4.4 В своем решении от 9 марта 2010 года по делу *P.C. против Швеции*⁶ Европейский суд по правам человека постановил, что медицинское заключение, представленное просителем убежища, может свидетельствовать о том, что данное лицо подвергалось бесчеловечному обращению или пыткам в стране происхождения. Это может повлечь за собой обязанность соответствующего государства провести дальнейшее расследование, чтобы развеять любые сомнения в том, что в случае высылки лицо может вновь подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека). В деле *I. против Швеции*⁷ и других делах Европейский суд по правам человека разъяснил предыдущие решения и постановил, что для того, чтобы развеять сомнения, подобные тем, которые упоминаются в деле *P.C. против Швеции*,

³ *M.O. против Дании* (CAT/C/31/D/209/2002); *A.A.C. против Швеции* (CAT/C/37/D/227/2003); *Г.И. против Дании* (CAT/C/61/D/625/2014).

⁴ *Г.Э. против Австралии* (CAT/C/61/D/725/2016), п. 7.6.

⁵ *Х. против Нидерландов* (CAT/C/68/D/863/2018), п. 8.8.

⁶ European Court of Human Rights, *R.C. v. Sweden*, Application No. 41827/07, judgment, 9 March 2010, paras. 53–56.

⁷ European Court of Human Rights, *I. v. Sweden*, Application No. 61204/09, judgment, 5 September 2013, para. 62.

государство должно, по крайней мере, быть в состоянии оценить индивидуальную ситуацию просителя убежища. Однако это может оказаться невозможным, если нет доказательств личности просителя убежища и если показания, данные в обоснование просьбы о предоставлении убежища, позволяют усомниться в их достоверности⁸.

4.5 Государство-участник также ссылается на три постановления от 27 июня 2018 года, в которых Отдел административной юрисдикции вынес решение о том, как следует относиться к заключениям Института прав человека и медицинской экспертизы и другим медицинским заключениям в рамках процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища. В этих постановлениях Отдел административной юрисдикции подтвердил подход к оценке подтверждающих медицинских доказательств, сформулированный в предыдущих решениях, и установил новую систему оценки для определения того, насколько психологические проблемы мешают просителям убежища давать полные, связные и последовательные показания во время собеседований. Если подтверждающие медицинское заключение медицинские доказательства убедительно свидетельствуют о том, что причиной травм просителя убежища стало предполагаемое бесчеловечное обращение в стране происхождения, правительство может быть обязано провести дополнительное расследование этих доказательств, чтобы устранить любые опасения, что просителю убежища может угрожать опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному обращению после высылки в страну происхождения.

4.6 Что касается приемлемости, заявитель подчеркнул, что он все еще страдает от «тяжелых психических последствий», поскольку он не оправился от пережитых травматических событий, и что он все еще ежедневно принимает психиатрические препараты. В той мере, в какой эти замечания направлены на то, чтобы подкрепить утверждения заявителя о том, что он не может вернуться в Демократическую Республику Конго из-за своих медицинских проблем, государство-участник подчеркивает, что он подал два ходатайства о применении статьи 64 Закона об иностранцах 2000 года. В рамках этой процедуры была проведена углубленная оценка состояния его здоровья, и различные инстанции рассмотрели вопрос о том, не приведет ли его возвращение к возникновению чрезвычайной медицинской ситуации. В ходе последней процедуры, завершившейся решением окружного суда от 10 июня 2015 года, заявитель не исчерпал все доступные средства правовой защиты. Он мог обжаловать это решение, в котором суд постановил, что ходатайство заявителя о применении статьи 64 было отклонено правильно, но он не сделал этого. Соответственно, в той мере, в какой заявитель желает основывать свое сообщение на своих медицинских обстоятельствах, государство-участник утверждает, что он не исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты.

4.7 Что касается угрозы пыток по возвращении, государство-участник утверждает, что рассказ заявителя о пережитом в Демократической Республике Конго страдает непоследовательностью и что он не представил никакой информации, достоверно указывающей на то, что в настоящее время он может находиться в поле зрения властей Демократической Республики Конго или лиц, которых, как он утверждает, он опасается. В этой связи государство-участник отмечает, что, как утверждает заявитель, что в 2010 году по приказу Жан-Пьера Дарувези Мокомбе он подвергся жестокому обращению, был изнасилован и содержался в сарае. Согласно страновым докладам, этот человек возглавлял Национальное разведывательное агентство (Agence nationale de renseignements) до 11 сентября 2011 года, когда он был назначен министром национальной экономики и торговли. После отпуска правительства 5 марта 2012 года он, насколько известно, не занимал никаких других должностей в государственной сфере. Главный вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, угрожает ли заявителю в настоящее время опасность применения пыток в случае его возвращения в Демократическую Республику Конго⁹. Из представленной государству-участнику и Комитету информации не следует, что через 10 лет после предполагаемых событий

⁸ European Court of Human Rights, *D.N.W. v. Sweden*, Application No. 29946/10, judgment, 6 December 2012, para. 42.

⁹ *Г.Э. против Австралии* (CAT/C/61/D/725/2016), п. 7.8.

заявителю по-прежнему угрожает опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в страну происхождения. Кроме того, его утверждения не позволяют говорить о том, что при оценке его ходатайства о предоставлении убежища властями государства-участника не были соблюдены процессуальные требования Конвенции.

4.8 В заключение государство-участник утверждает, что заявителю не удалось доказать на основании вызывающих доверие утверждений, что ему грозит реальная опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Демократическую Республику Конго. Медицинское заключение, представленное 13 декабря 2016 года, не дает повода с большим доверием относиться к приведенным заявителем основаниям для предоставления убежища. Кроме того, он не смог убедительно доказать, что власти или определенные лица проявляли к нему интерес в прошлом или будут проявлять к нему интерес сейчас. Приведенные им факторы риска, рассматриваемые по отдельности или в совокупности, недостаточны для того, чтобы сделать вывод о существовании для него лично предсказуемой и реальной угрозы подвергнуться пыткам в случае его возвращения в Демократическую Республику Конго.

4.9 С учетом вышесказанного, государство-участник не видит убедительных доказательств того, что заявитель по возвращении в Демократическую Республику Конго подвергнется обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Поэтому сообщение является необоснованным в целом, а решение государства-участника о возвращении заявителя в Демократическую Республику Конго не является нарушением статьи 3 Конвенции. Государство-участник просит Комитет признать, что высылка заявителя не станет нарушением Нидерландами своих международных обязательств по статье 3 Конвенции.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 14 июля 2020 года заявитель представил дополнительные комментарии, указав, что медицинское заключение Института прав человека и медицинской экспертизы было основано на оценках 2016 года. Он утверждает, что физические и/или психические проблемы, влияющие на способность давать полные, связные и последовательные показания, затрагивают не отдельные участки памяти, а память целиком. Проведение четкого различия между тем, какие события человек может вспомнить, а какие нет, возможно только в исключительных обстоятельствах.

5.2 Заявитель основывает свое сообщение не на состоянии своего здоровья как таковом, а на реальной угрозе подвергнуться пыткам при высылке в Демократическую Республику Конго. В этом отношении все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, что также признается государством-участником.

5.3 Утверждение о том, что заявителю не удалось доказать, что он все еще интересуется бывшего главу национальной разведки, основано лишь на том, с момента событий прошло 10 лет. Государство-участник не придает достаточного значения тому факту, что заявителя не только обвинили в предполагаемых связях с конголезской оппозицией, но и что он стал очевидцем жестокого убийства, совершенного по приказу его бывшего работодателя, и что после этого его подвергли жестоким пыткам, и все это по прямому приказу или под прямую ответственность человека с и без того весьма сомнительным послужным списком в области прав человека. Заявитель считает себя одновременно свидетелем и жертвой особо тяжких преступлений, к которым не применимы никакие сроки давности, информация о которых может доставить серьезные неприятности даже бывшему главе национальной разведки, когда о них станет известно третьим сторонам. По этой причине продолжительность времени, истекшего с момента событий, сама по себе не означает, что заявитель может безопасно вернуться в Демократическую Республику Конго.

5.4 Личность и гражданство заявителя никогда не оспаривались государством-участником, а документы, которые могли бы подтвердить его показания о том, каким путем он добирался и где он находил убежище, попросту отсутствуют, что вполне естественно, учитывая способы передвижения, которыми он пользовался, и характер его ходатайства о предоставлении международной защиты. Отсутствие документальных доказательств не должно служить основанием для утверждений, что

заявитель не продемонстрировал готовность к сотрудничеству с властями Нидерландов.

5.5 Что касается аргумента о том, что заявитель не смог описать маршрут, которым он воспользовался, что подорвало доверие к его показаниям, заявитель считает, что такое утверждение не имеет отношения к сути его показаний. Более того, такой подход вытекает из концепции «позитивного убеждения», которая налагает очень высокое бремя доказывания на просителя убежища, не способного предоставить материальные доказательства или дать поддающуюся проверке информацию о своей личности, гражданстве, маршруте и/или истории беженца, которая в основном применялась в делах о предоставлении убежища в Нидерландах с 2000 года, но от которой отказались в 2014 году за несоответствием законодательству Европейского союза о по вопросам убежища.

5.6 Что касается незнания имени своего бывшего работодателя и его помощников, возможность этого оценил Крис Бервоутс, независимый эксперт по центральной части Африки. Вероятность того, что заявитель не знал имени человека, с которым, по его словам, встречался около 50 раз, нельзя исключать. Заявитель не знал его полного имени, что, по словам г-на Бервоутса, вполне возможно. Тот же эксперт не согласился и с тем, что государство-участник оценило как неправдивый рассказ заявителя о встречах, на которых он присутствовал. Кроме того, утверждение государства-участника о том, что проверки в той или иной форме «можно было бы ожидать», является умозрительным, при этом государство-участник не приводит конкретных оснований для того, чтобы утверждать, что реакция Дарувези не вписывалась в «общую картину их отношений». Напротив, заявитель, судя по всему, проявил интерес к фактам убийства, вместо того чтобы просто сделать то, что ему сказали, и молчать. Кроме того, учитывая, что Дарувези был безжалостным сотрудником службы безопасности, его реакция вполне соответствовала тем событиям, о которых рассказал заявитель.

5.7 Действительно, во время первой процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища заявитель предоставил неточную информацию о своем побеге. То, что произошло на самом деле, и причины, по которым заявитель изначально привел несколько иную версию событий, описывается и объясняется в заключении Института прав человека и медицинской экспертизы, который является неотъемлемой частью комментариев. Кроме того, в заключении Института не упоминаются конкретные даты в последовательности событий, а сроки, указанные заявителем в его рассказе о том, как он покинул страну, не являются существенной для оценки достоверности его рассказа.

5.8 Тот факт, что информация была получена из третьих рук, не означает, что она не является достоверной как таковая. Более того, арест его брата не является важным элементом показаний, данных заявителем для целей получения убежища.

5.9 «Достаточно убедительное указание» на то, что заявитель подвергся «определенной форме» бесчеловечного обращения, но не того обращения, о котором говорится в заключении Института прав человека и медицинской экспертизы, снижает ценность весьма специфических медицинских доказательств в этом деле. Заявитель не может привести этот аргумент в соответствие с соображениями Комитета в делах аналогичного характера¹⁰. Вместо того, чтобы отвергать заключение Института под предлогом того, что показания заявителя признаны расплывчатыми и противоречивыми, государство-участник должно было понять, что необходимо провести дополнительное медицинское обследование¹¹.

5.10 В прилагаемом заключении от 5 июля 2020 года Институт прав человека и медицинской экспертизы напомнил о своих первоначальных оценках, содержащихся в письме, направленном в связи с данным делом 14 декабря 2017 года, которое следует

¹⁰ *Дюадж против Австралии* (CAT/C/51/D/387/2009), п. 10.6; и *Шахин против Швеции* (CAT/C/46/D/310/2007), п. 9.5.

¹¹ *М.С. против Нидерландов* (CAT/C/56/D/569/2013), п. 8.6; и *Ф.К. против Дании* (CAT/C/56/D/580/2014), п. 7.6.

читать вместе с соответствующим руководством того периода (2016 год). Институт отмечает, что подготовка ответа по существу судебно-медицинской экспертизы является обязанностью в первую очередь медицинского эксперта. Правительство Нидерландов в лице Департамента иммиграции и натурализации считает, что в ответ на заключение Института по данному делу ему нет необходимости менять свою оценку достоверности показаний, равно как и проводить дополнительное медицинское обследование.

5.11 Что касается степени достоверности показаний, Институт прав человека и медицинской экспертизы оценил общую картину физических шрамов и симптомов заявителя как хорошо или очень хорошо согласующуюся с его показаниями, основываясь на степенях достоверности, перечисленных в разделе 187 Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол). Институт классифицировал характер, содержание и динамику психологических симптомов заявителя как типичные с учетом показаний просителя убежища. Однако власти считают, что характеристики, данные Институтом, не являются весомым индикатором достоверности показаний, поскольку возможны один, два или несколько иных вариантов. Насилие может оставлять очень специфические шрамы или следы, но не всегда. Во-вторых, рассказ о злоупотреблениях не был принят Институтом за истину, и достоверность экспертизы всегда оценивалась критически, вопреки утверждениям Департамента иммиграции и натурализации, что Институт изначально исходил из правдивости показаний заявителя и событий. Государство-участник считает, что следует учитывать возможность того, что просители убежища сообщают Институту ложные сведения, чтобы улучшить свое положение. Однако руководство по судебно-медицинской экспертизе предписывает, что судебно-медицинское заключение является критическим и объективным отражением медицинских выводов эксперта. Медицинский эксперт не может автоматически согласиться с утверждениями постороннего человека. Если государство-участник приходит к выводу, что определенные фразы в заключении свидетельствуют о том, что показания принимаются за истину, это может указывать на четкость формулировок в заключении. В любом случае, абсолютной отправной точкой судебно-медицинской экспертизы является то, что проводящий ее эксперт никогда не принимает имеющиеся показания за истину. Поэтому представление о том, что Институт автоматически устанавливает связь между шрамами, физическими и психологическими симптомами и показаниями незнакомого человека, утверждающего, что он подвергся насилию, является неверным.

5.12 Кроме того, государство-участник считает, что Институт прав человека и медицинской экспертизы не пояснил, на основании какой медицинской информации он сделал вывод о высокой вероятности того, что заявитель был ограничен в своей способности давать связные, последовательные и полные показания во время собеседования на получение убежища в 2010 году. Институт прав человека и медицинской экспертизы признает, что медицинская информация, предшествующая или относящаяся к моменту проведения собеседований в рамках процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища в период с марта по май 2010 года, была недоступна. Одна из причин заключается в том, что заявитель обратился со своими симптомами к врачу общей практики после собеседования по вопросу предоставления убежища. В то же время ситуация, когда заявитель не сообщил о своей истории властям из чувства стыда и недоверия, вполне понятна и типична для человека, предположительно ставшего жертвой сексуального насилия. Обширное медицинское досье, собранное в период с середины 2010 года по середину 2016 года, было проанализировано проводившими анализ специалистами. Диагностированные симптомы посттравматического стрессового расстройства, характерной чертой которого является уход в себя, подтверждают вывод докладчика о наличии у него психологических проблем, и весьма вероятно, что во время собеседований на получение убежища это не позволяло ему давать связные, последовательные и полные показания. Длительный интервал в несколько лет между собеседованиями на получение убежища и судебно-медицинской экспертизой не обязательно должен служить препятствием для проведения тщательного и

убедительного расследования, что подтверждается предыдущими решениями Государственного совета Нидерландов.

5.13 В процессе рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища национальным органам важно определить наличие любых подтвержденных препятствий для дачи последовательных, связанных и полных показаний, которые могут повлиять на те или иные моменты истории просителя убежища. В данном случае государство-участник считает, что препятствия для дачи показаний, установленные Институтом прав человека и медицинской экспертизы, связаны с предполагаемым насилием, сексуальным надругательством и психологическим воздействием. Однако в данном случае власти отчасти сформировали свое мнение о достоверности показаний на основе, по их мнению, расплывчатых, неправдоподобных и/или противоречивых показаний по другим аспектам истории просителя убежища. Власти исходили из того, что, даже если установлено, что проситель убежища ограничен в своих возможностях давать показания, он все равно должен был бы иметь возможность давать последовательные, связанные и полные показания, касающиеся основных моментов своей истории. Государство-участник игнорирует тот факт, что нет ясности в отношении того, что можно считать основными моментами и деталями истории просителя убежища. Иными словами, неясно, имеют ли основные моменты и детали для конкретного просителя убежища такое же значение, как и для государства-участника. Исследования показали, что в конечном итоге жертва сама решает, что является основной информацией, а что — второстепенной, что — основными моментами, а что — деталями, и что это зависит от того, на чем жертва фокусируется в данный конкретный момент. В любом случае, из заключения Института государство-участник не может сделать вывод, что, если было установлено, что способность просителя убежища давать показания о сексуальном насилии и пытках была так или иначе ограничена, это автоматически означает, что он должен был иметь возможность нормально давать показания, касающиеся других фактов своей истории, без каких-либо ограничений.

5.14 Кроме того, Институт прав человека и медицинской экспертизы более подробно высказывается на тему памяти о травмирующих событиях и способности или неспособности давать показания. Одним из важных факторов является степень доверия к тому, с кем человек разговаривает. Исследования показывают, что, например, просители убежища, пережившие сексуальное насилие, тяжелее сообщают информацию, чем просители убежища, не пережившие сексуального насилия. Чувство стыда приводит к тому, что человек избегает обсуждения травмирующих событий. Такие проблемы влияют на память и функционирование человека. С научной точки зрения невозможно выполнить требование системы оценки Отдела административной юрисдикции Государственного совета Нидерландов, а именно указать, на какой части рассказа просителя убежища отразилось или не отразилось ограничение его способности давать полные, последовательные и связанные показания. Это требование может быть выполнено только в исключительных обстоятельствах. В заключение Институт прав человека и медицинской экспертизы заявляет, что он твердо убежден в верности заключения и готов предоставить Комитету дополнительную информацию.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 1 апреля 2021 года государство-участник сообщило, что дополнительные комментарии, представленные заявителем, в том числе доклад Института прав человека и медицинской экспертизы, не дают оснований для изменения позиции, изложенной в его замечаниях от 18 марта 2020 года. Поскольку заявитель в определенной степени повторяет аргументы, изложенные в его первоначальном сообщении, государство-участник рассматривает лишь некоторые из поднятых вопросов.

6.2 Во-первых, Комитет напоминает, что заявитель не представил убедительные доводы в подтверждение того, что опасность подвергнуться пыткам является для него предсказуемой, существующей, личной и реальной. Главный вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, угрожает ли заявителю в настоящее время опасность применения пыток в случае его возвращения в Демократическую Республику Конго.

По мнению государства-участника, из представленной Комитету информации не следует, что через 10 лет после предполагаемых событий заявителю по-прежнему угрожает опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в страну происхождения. Действительно, заявитель не обосновал, что бывший глава службы безопасности спустя столько лет все еще проявляет к нему интерес. В этом контексте государство-участник повторяет, что бремя доказывания лежит на заявителе. В своих дальнейших комментариях от 14 июля 2020 года заявитель утверждает, что он стал свидетелем и одновременно жертвой жутких преступлений и что это может повлечь для бывшего руководителя службы безопасности серьезные неприятности. Само по себе, однако, это не является достаточным основанием для утверждения, что заявитель, даже спустя более 10 лет, должен по-прежнему опасаться своего предполагаемого бывшего работодателя. Исходя из вышесказанного, это сообщение следует признать неприемлемым.

6.3 Что касается медицинских заключений, Институт прав человека и медицинской экспертизы заявляет, что он часто сталкивается с тем, что эксперты немедицинского профиля, обычно из национальных иммиграционных служб, дают медицинские заключения, которые выходят за рамки их компетенции. Поскольку эти замечания носят общий характер и не относятся к настоящему сообщению, государство-участник отмечает, что для оценки Комитетом настоящего сообщения они неактуальны. Подходы к оценке того, насколько тщательно составлено медицинское заключение, основываются на соответствующих правовых прецедентах¹². Поэтому определение того, соответствует ли медицинское заключение юридическим требованиям тщательной оценки, не выходит за рамки компетенции национальных иммиграционных служб. Во всех случаях, когда в ходе оценки медицинских фактов экспертизы возникают вопросы медицинского характера, государство-участник может положиться на опыт Бюро медицинских консультаций, специального подразделения Службы иммиграции и натурализации Нидерландов. Достоверность показаний просителя убежища могут определять только национальные компетентные органы. Роль нейтрального медицинского эксперта заключается в том, чтобы установить, насколько показания беженца могут согласовываться с подтверждающими их медицинскими доказательствами. Государство-участник добавляет, что в заключении Института прав человека и медицинской экспертизы проводится четкое различие между подтверждающими медицинскими доказательствами (физическими и психологическими), с одной стороны, и степенью, в которой медицинская ситуация влияет на способность давать полные, связанные и последовательные показания, — с другой.

6.4 Институт прав человека и медицинской экспертизы считает, что подтверждающие медицинские свидетельства физического и психологического характера рисуют четкую картину, которая хорошо согласуется с представленной версией событий. Государство-участник не оспаривает данную Институту оценку как таковую. Правительство, однако, вновь заявляет, что квалификация подтверждающих медицинских свидетельств физического характера, данная Институту, не имеет большого веса (на втором и третьем месте из пяти). Существует много других разных или взаимосвязанных возможных причин, объясняющих существование телесных шрамов. Таким образом, вещественные доказательства не являются убедительным свидетельством того, что предполагаемое насилие действительно имело место, и могут быть проигнорированы. Квалификация подтверждающих медицинских свидетельств психологического характера, с другой стороны, является достаточно весомой (на четвертом месте из пяти). Однако, основываясь на вышеупомянутых предыдущих решениях Отдела административной юрисдикции Государственного совета и в соответствии с мнениями Комитета, государство-участник считает, что доказательства психологического характера можно игнорировать по следующей причине¹³. Как объяснялось ранее, подтверждающие доказательства психологического характера не дают удовлетворительного объяснения

¹² Administrative Jurisdiction Division of the Council of State, 27 June 2018, ECLI:NL:RVS:2018:2084, 2085 and 2086.

¹³ *X. против Нидерландов* (CAT/C/68/D/863/2018), п. 8.8.

многочисленным пробелам и несоответствиям, которые касаются основных моментов в истории заявителя. Поэтому государство-участник считает, что подтверждающие доказательства психологического характера, несмотря на то что сами по себе они являются убедительными, также могут быть проигнорированы.

6.5 Поэтому государство-участник повторяет, что ни физические, ни психологические медицинские свидетельства не подтверждают в достаточной степени утверждения заявителя о том, что он подвергся описанным им пыткам.

6.6 В своих замечаниях от 18 марта 2020 года государство-участник объяснило, почему выводы заключения Института по правам человека и медицинской экспертизы в отношении медицинских факторов, ограничивающих способность заявителя дать полные, связанные и последовательные показания, не дают оснований изменить вывод о недостоверности его показаний.

6.7 Прежде всего, важно отметить, что нет никакой медицинской информации за период, когда проводились собеседование, или предшествующий ему, что признает Институт прав человека и медицинской экспертизы. Тем не менее Институт утверждает, что весьма вероятно, что заявитель был ограничен в своей способности давать полные, связанные и последовательные показания во время собеседований, проводившихся инстанциями, рассматривающими ходатайства о предоставлении убежища. В соответствии с рекомендательным пособием Института и согласно показаниям, данным Институту Отделу административной юрисдикции Государственного совета, такая экспертиза может быть проведена только на основании медицинской информации, относящейся к периоду, когда проводилось собеседование, или предшествующему ему. Институт объясняет, что отсутствие медицинской информации связано с чувством стыда и недоверием, которые являются симптомами посттравматического стрессового расстройства — диагноза, который был поставлен заявителю. Однако, по мнению государства-участника, это само по себе не может служить основанием для вывода о существовании медицинских факторов, ограничивающих способность давать полные, связанные и последовательные показания.

6.8 Институт прав человека и медицинской экспертизы также утверждает, что длительный интервал в несколько лет между собеседованиями в рамках процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища и медицинским освидетельствованием не является препятствием для проведения тщательного и достоверного разбирательства. Для обоснования этого утверждения Институт ссылается на вышеупомянутое постановление Отдела административной юрисдикции. Правительство не оспаривает утверждение о том, что длительный промежуток времени между собеседованиями и медицинским освидетельствованием не препятствует проведению достоверного разбирательства. Однако государство-участник считает, что это может иметь место, если медицинская экспертиза была основана исключительно на медицинской информации, относящейся к периоду, когда проводились собеседования. Государство-участник продолжает считать, что медицинскую экспертизу с анализом ограничений для дачи показаний в настоящем деле можно не принимать во внимание, поскольку эта экспертиза не была проведена на основе медицинской информации, относящейся к тому периоду.

6.9 Даже если вывод о существовании препятствий для дачи полных, последовательных и непротиворечивых показаний является точным, это позволяет удовлетворительно объяснить пробелы и несоответствия, касающиеся лишь некоторых деталей рассказа ходатайствующего о предоставлении убежища заявителя, но не основных моментов в его истории. В своих первоначальных замечаниях государство-участник сослалось на мнения Комитета, согласно которым, если заявитель представил документы, указывающие на то, что он страдает посттравматическим стрессовым расстройством и депрессией, это может объяснить некоторые противоречия и недостатки в его показаниях органам, рассматривающим ходатайства о предоставлении убежища, но не дает удовлетворительного объяснения пробелов и несоответствий, которые касаются основных моментов в его истории.

6.10 В своих представлениях заявитель не оспаривает, что он сделал странные, расплывчатые, беглые и противоречивые заявления, которые касаются основных

моментов его истории, рассказанной в рамках процедуры рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища. Однако, по его мнению, подход к оценке, описанный в первоначальных замечаниях государства-участника, должен быть пересмотрен. Заявитель утверждает, ссылаясь на новое рекомендательное пособие Института прав человека и медицинской экспертизы, что такой подход к оценке больше не может считаться научно обоснованным.

6.11 Государство-участник считает, что эту точку зрения следует отвергнуть. Согласно рекомендательному пособию Института прав человека и медицинской экспертизы 2016 года, степень, медицинские факторы препятствуют даже полных, связанных и последовательных показаний в такой степени, что это касается лишь деталей истории просителя убежища. Институт разъяснил эту точку зрения в вышеупомянутых постановлениях Отдела административной юрисдикции Государственного совета в июне 2018 года, в результате чего Отдел административной юрисдикции постановил, что эта точка зрения не освобождает заявителя от необходимости дать правдоподобные показания по основным моментам его истории просителя убежища. Однако вскоре после вынесения Отделом административной юрисдикции своих постановлений Институт пересмотрел свое мнение, заявив, что такая точка зрения больше не может считаться научно обоснованной. Даже если принять эту точку зрения, в случае с данным конкретным заявителем Институт считает, что заявитель хорошо помнит травмировавшие его события, хотя и не может восстановить в памяти все детали. Таким образом, заключение Института не дает удовлетворительного объяснения многим странным, неясным, беглым и противоречивым показаниям, которые касаются основных моментов его истории, рассказанной в ходе рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища.

6.12 Наконец, как отметил Институт прав человека и медицинской экспертизы, доверие в данном случае играет ключевую роль. Правительство считает, что Департамент иммиграции и натурализации, национальный государственный орган, проверяющий достоверность показаний в рамках процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, тщательно оценил показания просящего убежища заявителя, приняв во внимание всю соответствующую информацию, которая была доступна на тот момент.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, изложенной в сообщении, Комитет должен решить, является ли она приемлемой на основании статьи 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

7.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никаких жалоб от какого-либо лица, если не убедится, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Это правило не действует в тех случаях, когда установлено, что применение таких средств неоправданно затягивается или может неоправданно затягиваться либо вряд ли окажет эффективную помощь¹⁴. Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость части жалобы заявителя, поданной по статье 3 Конвенции на то, что его возвращение в Демократическую Республику Конго создаст чрезвычайную медицинскую ситуацию, в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, поскольку решение окружного суда по этому мотиву для предоставления убежища может быть обжаловано в Отделе административной юрисдикции Государственного совета. Комитет также отмечает, что это возражение не было оспорено заявителем. Соответственно, Комитет считает эту часть сообщения неприемлемой в связи с неисчерпанием имеющихся внутренних средств правовой

¹⁴ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 4 (2017), п. 34.

защиты в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции. Поскольку другие претензии заявителя по статье 3 Конвенции были достаточно обоснованы, Комитет объявляет эту часть сообщения приемлемой и рассмотрит ее по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

8.2 Комитету надлежит определить, будет ли принудительная высылка заявителя в Демократическую Республику Конго представлять собой нарушение обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать («refouler») какое-либо лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что этому лицу будет угрожать опасность подвергнуться там пыткам.

8.3 В рассматриваемом деле Комитет должен установить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет лично угрожать опасность подвергнуться пыткам после возвращения в Демократическую Республику Конго. При оценке такой опасности Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, вытекающие из статьи 3 (пункт 2) Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека¹⁵. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли данному лицу лично угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую он или она подлежит возвращению¹⁶. Следовательно, наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что такая опасность будет угрожать данному лицу лично. С другой стороны, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает того, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его/ее дела¹⁷.

8.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 в контексте статьи 22, согласно которому обязательство не прибегать к принудительному возвращению существует во всех случаях, когда имеются «серьезные основания» полагать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в государстве, депортация в которое его ожидает, либо в качестве отдельного лица, либо в составе группы, которая может столкнуться с угрозой применения пыток в государстве назначения. Комитет напоминает, что «серьезные основания» существуют всякий раз, когда угроза пыток является «предсказуемой, личной, существующей и реальной»¹⁸. Лично заявителю могут угрожать следующие факторы, перечень которых не являются исчерпывающим: а) этническое происхождение и религиозная принадлежность заявителя; б) применение пыток ранее; в) содержание под стражей без связи с внешним миром или другие формы произвольного и незаконного содержания под стражей в стране происхождения; г) политическая принадлежность или политическая деятельность заявителя; д) арест и/или задержание без гарантии справедливого обращения и судебного разбирательства; е) нарушение права на свободу мысли, совести и религии; и г) тайное бегство из страны происхождения из-за угроз применения пыток¹⁹.

8.5 Комитет напоминает также, что бремя доказывания возлагается на заявителя, который должен аргументировать свою позицию, т. е. убедительные доводы в подтверждение того, что опасность подвергнуться пыткам является для него предсказуемой, существующей, личной и реальной, если только заявитель не

¹⁵ См., в частности, *X и Y против Швейцарии* (CAT/C/66/D/776/2016), п. 7.3.

¹⁶ *Э.Т. против Нидерландов* (CAT/C/65/D/801/2017), п. 7.3.

¹⁷ *И.Г. против Швейцарии* (CAT/C/65/D/822/2017), пп. 7.2–7.3.

¹⁸ Комитет против пыток, замечание общего порядка № 4, п. 11.

¹⁹ Там же, п. 45.

находится в ситуации, когда он не может представить более подробную информацию по своему делу²⁰. Комитет далее напоминает, что он придает большой вес выводам органов соответствующего государства-участника по фактической стороне дела; тем не менее он не считает себя связанным такими выводами и в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции свободен в оценке имеющейся у него информации с учетом всех обстоятельств каждого конкретного дела²¹.

8.6 Оценивая угрозу применения пыток в связи с настоящим сообщением, Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что в 2010 году, после того как он стал очевидцем убийства неизвестного лица, он подвергся жестокому обращению, был изнасилован и содержался под стражей в сарае в Демократической Республике Конго по приказу Жан-Пьера Дарувези Мокомбе. Комитет отмечает также, что, согласно страновым докладам, этот человек возглавлял Национальное разведывательное агентство (Agence nationale de renseignements) до 11 сентября 2011 года, когда он был назначен министром национальной экономики и торговли²². Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что он опасается, что его будут разыскивать, пытаться и, в конечном итоге, убьют в случае возвращения в Демократическую Республику Конго и что его травмирует мысль о возвращении, поскольку он страдает от посттравматического стрессового расстройства и депрессии из-за перенесенных пыток. В этом контексте Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что Дарувези все еще может использовать свое влияние, чтобы отомстить ему и не допустить дачи показаний.

8.7 Комитет отмечает, что власти государства-участника сочли, что заявитель не заслуживает доверия, поскольку в своем первом ходатайстве он дал противоречивые показания по основным моментам своего рассказа для целей получения убежища, в том числе в отношении маршрута, последовательности событий и даты, когда он покинул страну. Государство-участник утверждает, что определять достоверность показаний просителя убежища могут только национальные компетентные органы. Комитет также отмечает, что во время первой процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища заявитель не просил Службу иммиграции и натурализации назначить медицинское обследование и что он обратился к врачу общей практики только после собеседования по вопросу предоставления убежища. В этой связи Комитет обращает внимание на утверждение заявителя о том, что он не рассказал властям свою историю из чувства стыда и недоверия, что типично для человека, предположительно ставшего жертвой сексуального насилия. Комитет принимает далее к сведению замечание государства-участника, согласно которому в заключении Института по правам человека и медицинской оценке не содержится доказательств того, что заявитель подвергался пыткам, поскольку шрамы, которые описаны в этом заключении, могли быть получены при других обстоятельствах. Государство-участник также утверждает, что подтверждающие доказательства психологического характера не дают удовлетворительного объяснения многочисленным пробелам и несоответствиям, которые касаются основных моментов в истории заявителя. Государство-участник считает, что медицинскую экспертизу Института о наличии препятствий для дачи показаний в данном деле можно не принимать во внимание, поскольку эта экспертиза не была проведена на основе медицинской информации за период, когда проводились собеседования. Хотя заключение Института представляется убедительным в отношении психологических последствий, влияющих на способность давать полные, связные и последовательные показания²³, и их происхождения, они не доказывают, по мнению государства-участника, существование реальной угрозы применения пыток к заявителю в случае его высылки.

²⁰ Там же, п. 38.

²¹ Там же, п. 50.

²² После роспуска правительства 5 марта 2012 года он, насколько известно, не занимал никаких других государственных должностей.

²³ Заявитель утверждает, что длительный интервал в несколько лет между собеседованиями в рамках процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища и медицинским освидетельствованием не является препятствием для проведения тщательного и достоверного разбирательства.

8.8 Комитет напоминает, что он должен определить, угрожает ли заявителю в настоящее время опасность подвергнуться пыткам в случае его высылки в Демократическую Республику Конго²⁴. Комитет отмечает, что заявитель имел возможность представить национальным властям дополнительные доказательства в обоснование своих утверждений и что власти рассмотрели показания заявителя в контексте двух ходатайств о предоставлении убежища. Комитет отмечает также, что несоответствия в показаниях заявителя привели национальные власти к выводу о том, что он не продемонстрировал, что в случае возвращения в Демократическую Республику Конго ему будет угрожать предсказуемая, существующая, личная и реальная опасность подвергнуться пыткам. Комитет отмечает, в частности, что ходатайства заявителя в Комитете частично отличаются от оснований для предоставления убежища, выдвинутых в Департаменте иммиграции и натурализации и в национальных судах²⁵. Комитет напоминает, что от жертв пыток редко можно ожидать безупречной точности²⁶, и отмечает, что заявитель представил документы, свидетельствующие о том, что он страдал посттравматическим стрессовым расстройством и депрессией уже в 2010 году, что впоследствии подтвердил Институт по правам человека и медицинской оценке в своем заключении, датированном декабрем 2016 года. Вместе с тем, отмечая, что состояние психического здоровья заявителя может служить объяснением некоторых из противоречий и пробелов в его показаниях органам, занимающимся вопросами убежища, Комитет полагает, что оно не является удовлетворительным объяснением вышеупомянутых несоответствий, которые касаются ключевых аспектов его показаний.

8.9 Кроме того, принимая во внимание заключения Института по правам человека и медицинской оценке, обнародованные в 2016 и 2020 годах, в которых указывается, что шрамы на теле заявителя согласуются с его показаниями, Комитет отмечает, что, даже если бы он проигнорировал несоответствия в показаниях заявителя о том, что произошло с ним в Демократической Республике Конго, и признал бы его утверждения правдивыми, заявитель не представил никакой информации, которая убедительно свидетельствовала бы о том, что в настоящее время он представляет интерес для властей Демократической Республики Конго²⁷. Из представленной Комитету информации не следует, что через 12 лет после предполагаемых событий заявителю по-прежнему угрожает опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в страну происхождения²⁸.

8.10 Напоминая, что бремя доказывания лежит на заявителе, Комитет отмечает замечания государства-участника о том, что рассказ заявителя о его прошлом в Демократической Республике Конго страдает непоследовательностью и не заслуживает доверия в том, что касается ключевых моментов в его утверждениях. Комитет также отмечает, что заявитель был подвергнут пыткам более 12 лет назад и что он не смог убедительно доказать, что власти или лица, которых он, по его словам, опасается (бывший начальник службы безопасности), проявляли к нему какой-либо интерес в недавнем прошлом или могут проявлять такой интерес в настоящее время. Комитет также отмечает, что, хотя события прошлого могут иметь значение, главный вопрос, который Комитету предстоит решить, заключается в том, угрожает ли заявителю в настоящее время опасность подвергнуться пыткам в случае его возвращения в Демократическую Республику Конго²⁹. Кроме того, Комитет отмечает, что заявитель не представил адекватных медицинских доказательств, которые могли бы с медицинской точки зрения объяснить несогласованность его заявлений во время первой процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища в 2010 году. В свете вышеизложенных соображений и всей представленной заявителем и государством-участником информации, в том числе об общем положении дел с

²⁴ См., например, *Г.Б.М. против Швеции* (CAT/C/49/D/435/2010), п. 7.7.

²⁵ См. показания заявителя, приведенные в сноске 2.

²⁶ *Г.Э. против Австралии* (CAT/C/61/D/725/2016), п. 7.6.

²⁷ См. *Х.Р.Э.С. против Швейцарии* (CAT/C/64/D/783/2016), п. 8.9.

²⁸ *Х и У против Швейцарии* (CAT/C/71/D/807/2017), п. 9.8; и *В.М., Г.М., С.М. и Т.М. против Швеции* (CAT/C/71/D/883/2018), п. 8.8.

²⁹ *Г.Э. против Австралии* (CAT/C/61/D/725/2016), п. 7.8.

правами человека в Демократической Республике Конго, Комитет приходит к заключению, что заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае высылки заявителя в Демократическую Республику Конго ему будет угрожать предсказуемая, существующая, личная и реальная опасность подвергнуться пыткам по смыслу статьи 3 Конвенции. Кроме того, из его заявлений не следует, что оценка его ходатайств о предоставлении убежища властями государства-участника носила явно произвольный характер или была равносильна отказу в правосудии либо содержала явные процессуальные ошибки³⁰.

9. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет приходит к выводу, что высылка государством-участником заявителя в Демократическую Республику Конго не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

³⁰ В.М., Г.М., С.М. и Т.М. против Швеции, п. 8.8.